Текст · 6 февраля 2025, 11:04
Иван Асташин,

«Меня можно назвать партизаном». Анархист Руслан Сидики рассказывает, как пустил под откос поезд и атаковал военный аэродром

Гражданин России и Италии, электрик из Рязани, индустриальный турист, велопутешественник, анархист и партизан — все это можно сказать о 36-летнем Руслане Сидики. Летом 2023-го он снарядил четыре беспилотника со взрывчаткой, чтобы атаковать военный аэродром Дягилево под Рязанью, а осенью решил действовать «с земли» — и двумя бомбами повредил железнодорожные пути и пустил под откос 19 вагонов товарного поезда. Сейчас в московском СИЗО Сидики ждет суда, который может приговорить его к сроку вплоть до пожизненного. В письмах «Медиазоне» он рассказал, почему решил «взяться за взрывчатку», как первой диверсии помешала лиса и чем пытка «тапиком» отличается от пытки электрошокером (силовики применяли к нему обе).

Атака на военный аэродром. «На велосипеде я отвез в поле четыре дрона со взрывчаткой»

Гул Ту-22 и Ту-95 за окном совпадал с ударами по Украине, и это определило мой выбор цели: военный аэродром Дягилево, всего в десяти километрах от дома. Я жил с 80-летней бабушкой и понимал, как тяжело пожилым и больным без тепла и света зимой. Наполняя ванну горячей водой, я думал о тех, кого за

тысячу километров лишили элементарных условий из-за геополитических амбиций. И при этом они еще говорят про «братские народы» и что «Россия не воюет с гражданскими».

Взрывчаткой я интересуюсь давно. Когда я жил в Италии, я наткнулся на статью в газете про взрыв с целью срыва какого-то фестиваля. В ней была подробно нарисована примерная схема бомбы. Меня зацепили простота и доступность, и именно по этой схеме я сделал СВУ для диверсий, которые я осуществил.

Начинку для бомб большой мощности я научился делать примерно в возрасте 18 лет, просто скачав из интернета рецепты. Но, кроме нескольких испытаний на природе, я в дальнейшем этим не увлекался, пока не наступил 2023 год. Также у меня был самодельный квадрокоптер с камерой, так как летательные аппараты — это одно из моих хобби.

Я поделился своими планами насчет аэропорта с украинским товарищем, а он связал меня с человеком, разбирающимся в этой сфере. Мы быстро нашли общий язык, и меня пригласили в Латвию проверить навыки. В случае успеха обещали помочь с покупкой дрона. Я и не против был попутешествовать ради благого дела. Меня проверили на связь с российскими спецслужбами и искренность намерений. Договоренностей по зарплате не было, отношения сложились приятельские, приказы мне никто не раздавал. Закупив детали для дронов, я провел эксперименты с грузоподъемностью и дальностью.

В итоге для безопасности выбрал автоматический полет по *GPS* с отсрочкой запуска. На велосипеде я отвез в поле четыре дрона со взрывчаткой, стараясь ехать осторожно из-за ее чувствительности к ударам. Себя я успокаивал мыслью, что если случайно сдетонирует, я не успею ничего понять и меня вряд ли опознают.

Установив дроны с отсрочкой взлета на три часа и задав координаты стоянок самолетов, я уехал. Перед этим я обратил внимание, что вокруг бегает лиса, но не придал этому значения. Позже из новостей узнал, что удар нанес только один дрон: лиса, вероятно, перевернула остальные.

Честно скажу, опасался, что меня как-нибудь выследят, но я тщательно выбрал маршрут, чередуя слепые зоны и зоны с камерами, а разрыв между тем моментом, как я уехал с места запуска, и взлетом дронов был три часа. Если бы не инцидент с оставшимися там дронами, то и место запуска не смогли бы вычислить. Но все равно я целый месяц с тревогой прислушивался, если кто-то за дверью ходит. Спустя месяц у меня тревога ушла: если бы смогли вычислить, поймали бы в течение пары недель.

Было чувство досады, что акция пошла не по плану. Я периодически запускал свой самодельный дрон и где-то в августе[1] обнаружил, что на высоте свыше 30 метров пропадает сигнал *GPS*. Я сделал вывод, что где-то работает станция радиоэлектронной борьбы, и решил отказаться от дальнейшего запуска дронов.

Чувствовал ли я себя партизаном? Думаю, что меня можно так назвать. Если во время Второй мировой войны люди, противостоящие Третьему рейху на его территории, назывались партизанами, то и меня можно отнести к ним.

Итальянское детство с коктейлями Молотова. «Я научил их чудить, как мы чудили в России»

Родился я в Рязани, где жил с мамой и бабушкой. Было типичное детство для молодежи из промзоны 90-х годов. Много времени проводил на улице, так как дома делать было нечего. Куда веселее было бегать от сторожа на стройке, кидать в костер баллоны и ждать взрыва, пробираться в подземелья, строить шалаши. С раннего детства меня интересовали различные механизмы и электроника. Глядя на это, родители мне покупали научные книги и развивающие конструкторы. Думаю, это стало вкладом в развитие дальнейших увлечений.

В 11–12 лет я поехал с мамой в Италию — отдохнуть на летние каникулы. Она жила там уже пару лет. Ближе к началу учебного года мама поставила меня перед фактом: теперь я буду жить и учиться в Италии. С того момента я приезжал в Рязань только на лето. Скучал по бабушке и друзьям. Первое время было тяжеловато, учиться на неродном языке непросто. К концу учебного года мне уже было куда проще поддерживать разговор и учиться, в этом есть заслуга моих одноклассников.

Я же научил их чудить, как мы чудили в России. Много раз приходилось убегать от полиции. Иногда нас ловили, даже был случай, когда нас поймали с коктейлями Молотова, которые мы кидали в стены в заброшенной школе, но нас отпустили со словами: «Не играйте с бензином, ребята».

После того как я закончил учебу, я попробовал вступить в итальянскую армию, в Альпийские войска — нужно было куда-нибудь направить свою энергию. К сожалению, я не прошел отбор с первого раза.

Я не вижу каких-либо серьезных противоречий между анархизмом и вступлением в армию невоюющей страны на один год без каких-либо обязательств. Идти в армию для захватнической войны я бы не стал. В итальянской армии я видел перспективу по приобретению навыков обращения с оружием, снаряжением и техникой. В любом случае при возникновении территорий с самоуправлением потребуется способность защищать от посягательств сообщества и их жизненный уклад.

Жил и работал в Италии, но, приехав в очередной раз в Россию, решил остаться, когда мне предложили работу электриком. До 2008 года здесь жилось неплохо. Повлияло и то, что соскучился по бабушке и друзьям, а жизнь в Европе тогда казалась слишком скучной. При этом с теплотой вспоминаю Сицилию — пять минут до моря, красивая природа, спокойная жизнь для тех, кто любит тепло.

До событий 2014 года я раз в год ездил в Украину для походов в Чернобыльскую зону. Интерес к этому месту у меня появился задолго до всем

известной игры «Сталкер», еще в молодости. Сам факт запретности самовольных походов в зону отчуждения делал для меня это место еще более притягательным. Мне нравится пробираться сквозь сложнопроходимую местность, скрываться от патрулей, использовать военную снарягу. Друзья по интересам у меня появились в том числе и в Украине, некоторым из них, к сожалению, больше не суждено сходить в поход...

Путь к анархизму. «Мое неприятие тоталитаризма и фашизма остается неизменным»

Анархистом я стал не одномоментно. Когда я еще не знал слова «анархизм», у меня уже было свое представление о справедливом мире: без государства, с самоуправляемыми общинами. Потом один друг сказал, что это и есть анархизм.

Но я не люблю ограничивать себя какой-то идеологией, мне близки идеи разных течений. Мир меняется, и то, что было актуально сто лет назад, может уже не подходить. Я не люблю жесткость в идеях некоторых анархистов и коммунистов, которые порой напоминают религиозных фанатиков. Одно я точно могу сказать: мое неприятие тоталитаризма и фашизма остается неизменным. Один нацик-сокамерник даже назвал меня либералом, потому что я хвалил работы Харари-[2].

Люди в большинстве консервативны и не готовы к резким переменам, а кому-то это просто не нужно

— как будто рабская сущность заложена изначально. В России я встречал немало людей, мечтающих о «железной руке Сталина» или крепком елдаке царя в заду: «Чтоб был порядок и все знали свое место». Допускаю переход — возможно, немирным путем — от тоталитарного государства к другим формам правления с большими свободами и в дальнейшем эволюцию в сообщества с самоуправлением. Для этого нужно, чтобы и люди изменились. За последние десять лет в России я сильно разочаровался в людях, не удивлюсь, что в обозримом будущем страна будет дальше скатываться до уровня КНДР и Ирана.

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

В моем понимании быть анархистом — это по возможности помогать или участвовать в близких движению проектах. Участвовать в акциях, суть которых — защита прав и свобод трудового народа. Если позволяют обстоятельства, доносить свои идеи до подходящих людей. Приобретать новые знания и навыки, позволяющие делать вышесказанное эффективнее.

Лет в 16 меня заинтересовала идея автономных сельхозкоммун, тогда я прочитал статью о таких сообществах на Западе. В России же, кроме религиозных коммун, ничего похожего я не находил, а амбициозные проекты часто не переживали и пары лет.

Про «Новый путь»[3] я узнал в 2010 году через самиздат, где говорилось о потребности в рабочих руках для развития. Несмотря на то, что реальность там сильно отличалась от того, что я читал, я продолжал приезжать каждый год на шесть месяцев. Работал в Рязани[4], а остальное время посвящал жизни в «Новом пути», занимаясь огородами и строительством. Каждый год я надеялся, что удастся создать самодостаточное производство, которое позволило бы коммуне существовать без внешней зависимости.

Но за несколько лет там практически ничего не изменилось, люди приезжали и уезжали разочарованные. Я же оставался из любви к природе и из стремления к новым знаниям. Думаю, проект погиб из-за упертости основателя в вопросах финансов: невозможно было организовать производство, не продавая товары. Несмотря на разногласия, я ценю опыт, который получил там, и надеюсь, что домик, который я построил, кому-то все же пригодится.

24 февраля 2022-го. «От отчаяния хотелось перегрызать зубами стволы орудий»

За ситуацией в Украине я следил с конца 2013 года, думал принять участие в акциях протеста тогда, но не сложилось с возможностью взять отпуск за свой счет. Не ожидал, что Россия пойдет на подлый шаг, воспользовавшись переходным периодом в стране. Думаю, что сейчас уже ни для кого не секрет, кем были люди, захватившие Крым, кто сбил самолет

малайзийских авиалиний с пассажирами на борту и кто воевал в Донецкой и Луганской областях под видом «разъяренных шахтеров Донбасса».

В 2021–2022 годах было уже очевидно, что все идет к вторжению. Пропаганда выпускала все более агрессивные сюжеты. Незадолго до 24 февраля мне несколько раз снился одинаковый сон: в поле стоит много темно-зеленой военной техники, серое небо, черные деревья без листьев, я нахожусь в стороне, в руках у меня что-то похожее на гранатомет, но какая-то сила не дает мне прицелиться и выстрелить.

Рано утром 24 февраля я ехал в электричке Рязань — Москва. Я задремал и сквозь сон слышу обрывки фраз: «Вечером будем в Киеве», «Мы только по базам НАТО стреляем», «Они хотели на нас напасть», «Хохлы без пиздюля как без пряника». Проснувшись, я стал мониторить новости и увидел, что началось масштабное вторжение. За месяц до этого новостная лента была забита явно фейковыми сообщениями об обстрелах и других провокациях со стороны ВСУ. Здесь можно провести историческую параллель с фейковыми провокациями перед вторжением нацистской Германии в Польшу или перед вторжением СССР в Финляндию.

Было очень неприятное чувство, что ты не можешь ничего поделать. Видел, как едут поезда с военной техникой, от отчаяния мне хотелось перегрызать зубами стволы орудий.

В начале марта я списался с ныне покойным товарищем из Украины, спросив, принимает ли он участие в обороне. Он мне написал: «Мы сжигаем

их технику сотнями, а они стирают с лица земли наши города». Он погиб при выбивании ВС РФ из Харьковской области, летом 2022 года.

Российское правительство отрезало все возможности мирно повлиять на ситуацию: тот, кто выступает против войны, объявляется предателем и подвергается репрессиям. В такой ситуации неудивительно, что кто-то предпочтет уехать из страны, а кто-то возьмется за взрывчатку.

Осознав затяжной характер войны, в конце 2022 года я решил действовать военным путем. Российская армия намеренно атаковала энергетическую инфраструктуру Украины, стремясь оставить граждан без воды, тепла и света, чтобы те оказывали давление на свое руководство. Согласно статье 205 УК РФ, «совершение взрыва или иных действий, устрашающих население с целью воздействия на принятие решений органами власти», подпадает под определение терроризма. Таким образом, действия российской стороны соответствуют этому определению. Кроме того, они применяли тактику «двойного удара»: после первого удара по объекту, при прибытии спасательных служб, наносился второй удар с целью уничтожения спасателей. Российская сторона лишь злорадствовала, показывая сюжеты о страданиях гражданского населения.

Смерть бабушки. «Мое состояние негативно повлияло на трезвость ума и осторожность»

В конце сентября 2023 года [через два месяца после неудачной атаки на аэродром Дягилево] я поехал в очередной велопоход Рязань — Питер. На второй день езды, когда я уже подъезжал к Владимиру, мне звонит бабушка: «Руслан, возвращайся, у меня отнялись ноги». Голос у нее был сильно изменен. Я развернулся и полетел обратно. Чуть позже мне позвонил врач скорой и сказал, что у бабушки подозрение на инсульт и она уже в больнице.

В тот день я проехал рекордное количество километров и выбился из сил на подъезде к Рязани. Там я поспал под деревом, а утром проехал остальное расстояние. Первым делом я навестил бабушку в больнице. Она меня узнавала, но говорить не могла. К сожалению, это был последний раз, когда я ее видел. 1 октября, ночью, раздался звонок: «Руслан, приходите завтра в морг».

Я очень чувствителен к смертям, даже когда умирал хомяк, я тяжело переносил это... Я понимал, что рано или поздно это произойдет, но все равно сильно страдал, меня накрыли мрачные мысли, сознание затуманилось, даже сейчас, когда я пишу эти строки, у меня слезятся глаза... Думаю, что такое состояние негативно повлияло на трезвость ума и осторожность. По-хорошему, мне нужно было дать себе пару месяцев, чтобы прийти в себя, но я этого не сделал.

Второй подрыв. «Железнодорожная инфраструктура — это кровеносная система воюющей страны»

Война продолжалась, и я решил, что раз не получилось с воздуха, нужно действовать на земле. Железнодорожная инфраструктура — это кровеносная система воюющей страны. Я поделился своими мыслями с моим украинским товарищем и попросил у него где-нибудь подорвать рельсу для расчета мощности заряда, так как проводить такие эксперименты в России в военное время не лучшая идея.

В результате разведки я обнаружил движение поездов с военной техникой по одному из путей, он обходит Рязань и уходит на юг России. Понаблюдав, я установил периодичность движения поездов и понял, что этот путь используется только для грузовых перевозок. Я пришел к выводу, что это подходящая цель, ведь даже при подрыве самого пути нарушается логистика.

Эта диверсия обошлась мне меньше чем в 10 тысяч рублей. За несколько дней я изготовил две мощные бомбы и видеопередатчик с механизмом самоуничтожения. Продумал маршрут отхода. При себе у меня был прибор ночного видения, а в карманах — пакетики с перцем, чтобы запутать собак. Я приехал на место на велосипеде в полночь, установил заряды под рельсами, закрепил камеру на дереве так, чтобы она фиксировала момент подрыва, рассыпал перец в местах засады. Найдя точку с хорошим сигналом для видеосвязи, лег спать, дожидаясь рассвета. Когда стало светлее, и уже было видно изображение с камеры, дождался нужного момента, убедился, что поезд не пассажирский, и привел заряд в действие.

Скрывшись с места, я спрятал в лесу в десяти километрах от места подрыва свой велосипед, ботинки и одежду, в которой я был. Домой вернулся другим путем, без велосипеда и в сменной одежде.

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

В новостях я увидел результат подрыва поезда. Я прислал эту новость украинскому товарищу. Через несколько дней он сообщил, что его руководство решило выделить мне 15 тысяч долларов. Я был удивлен, так как больше тысячи евро я не держал в руках за всю жизнь. Сказал ему, что у меня нет проблем с деньгами на данный момент, и попросил его отложить этот вопрос до лучших времен. Он сначала повозмущался, но согласился, что сейчас не лучшее время.

Он еще летом, узнав, что моя бабушка в больнице, хотел оплатить ей лечение. Я сказал, что я по деньгам и так укладываюсь в необходимую сумму. Но все равно сердечно благодарен за то, что он решил как-то помочь пожилому человеку из страны, которая напала на его страну. Надеюсь, эти слова он прочтет как-нибудь.

Камеры и подозрительные дачники. «Даже когда меня приняли, они не были уверены, что я как-то замешан»

Когда я проводил разведку местности в районе ж/д, я наткнулся на дачников в паре километров от места будущего подрыва. Дачники с подозрением смотрят на чужаков в кооперативе, и они могли меня запомнить. Если их опрашивали, могли хватать всех людей, попадающих под описание.

Возможно, искали по камерам в радиусе нескольких километров в определенный промежуток времени. Также могли отследить всех людей, которые выходили из слепой зоны, в которой я скрылся.

Мне нужно было сменить место подрыва после того, как я наткнулся на дачников неделей ранее. В город нужно было возвращаться не сразу, а отсидеться в лесу до ночи. И идти мелкими тропками, которые я прекрасно знаю, а я из-за усталости последний километр пути прошел по асфальту, думая, что опасность миновала.

Камера, изображение которой использовали для поиска, зафиксировала меня примерно в 11–12 часов, то есть спустя пять часов после подрыва. Нужно было подобрать более закрытую одежду для возврата домой.

Чекисты сказали, что не могли отследить, откуда я появился на месте подрыва. Подрыв произошел 11 ноября, а задержали меня 29-го числа. Им пришлось помучиться, и они были в тупиковой ситуации, как и в случае с дронами. Даже когда меня приняли, они не были уверены, что я как-то замешан.

Изъяв телефон, они увидели подписки в телеграме и сделали вывод, что я как минимум не сторонник

так называемой СВО. Это еще одна ошибка, которую я допустил: в сети нужно выглядеть как обычный турбопатриот. Знание своих прав при задержании и знание методов их работы тоже не помешает. Когда из меня выбили показания, один из чекистов сказал: «Я уже хотел всех велосипедистов в Рязани переебашить».

По каким статьям обвиняют Руслана Сидики

Обе атаки следствие квалифицировало как террористические акты (пункты «а» и «в» части 2 статьи 205 УК). Кроме того, Сидики обвинили в покушении еще на один теракт: взрыв на железной дороге, который он якобы планировал на январь 2024 года. Кроме того, весь процесс подготовки к акциям следствие квалифицировало как «обучение в целях осуществления террористической деятельности» (статья 205.3 УК).

Также ему предъявлены обвинения в изготовлении и обороте взрывчатых веществ организованной группой (часть 4 статьи 222 и часть 3 статьи 223 УК). Руслан Сидики говорит, что не считает свои акции террористическими актами. Он отрицает, что готовил третий взрыв. Также он подчеркивает, что изготавливал взрывчатку и проводил акции в одиночку.

По совокупности всех этих обвинений Сидики грозит от 15 до 30 лет заключения или пожизненное лишение свободы. Следствие уже окончено, сейчас обвиняемый и его адвокат знакомятся с материалами дела.

Задержание и пытки. «С помощью "тапика" можно было бы меня и за Крымский мост грузануть»

Прошло почти двадцать дней с момента подрыва. Я уже расслабился и не придал значения тому, что у подъезда стоит мент. Он сравнил меня с фото с той самой камеры наблюдения и настоятельно попросил проехать с ним в отдел № 4 в Рязани. Там взяли образец слюны для ДНК-теста. Потом приехали люди в гражданской одежде и вызвали меня в кабинет. Начали задавать разные вопросы о том, что я делал 11 ноября 2024 года. Я пару раз тупанул при ответе, и «человек», который задавал вопросы, понял, что я что-то скрываю.

Он стал угрожать, что они все равно добьются показаний: сейчас меня увезут на природу, будут пытать, а после застрелят, инсценируя попытку к бегству. Потом мне задают вопросы: «Есть ли хронические заболевания?». После ответа «нет» мне прилетает удар в голову, от которого я падаю на пол, меня начинают лупить ногами. Привязывают провода к ногам и после команды «Звони!» начинают пытать током.

Когда меня били током, они кричали, чтоб я при этом пел гимн Украины, но из-за помутнения сознания я его не мог вспомнить. Я даже не смог разблокировать второй телефон графическим ключом.

Орудием для пыток был полевой телефон ТП-57 или его аналог, я с этим устройством знаком. Я

увлекался проникновением на разные подземные объекты и заброшки и коллекционировал предметы гражданской обороны. Незадолго до того как меня закрыли, я решил распродать часть своей коллекции, где в том числе была пара полевых телефонов ТП-57 (народное название «тапик» из-за сокращения ТП).

Когда у меня в квартире был обыск, один из чекистов спросил: «Я видел, ты "тапики" на "Авито" продавал, не осталось ли еще у тебя?». Хорошо, что на тот момент я их распродал, а то могло получиться, что эти уроды моими же приборами причиняли невыносимую боль другим людям. Нет сомнения, для чего они спрашивали — на коллекционеров они не очень похожи.

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

После того как они прокрутили «тапик», один из чекистов скомандовал другому: «Засунь ему тряпку в рот, чтобы не перекусил язык и не орал». Когда задавали вопросы, тряпку доставали и ручку «тапика» крутили медленнее, но что-то говорить, когда его крутят, нереально. Один из них стоял и снимал на телефон.

Когда они закончили пытать «тапиком», кто-то сказал, чтоб меня понесли в машину. Человек в маске спросил у другого, насколько сильно меня можно избить, на что ему ответили: «Чтобы не видно было на нем». Когда меня понесли, мои ноги просто висели и меня не слушались, из-за этого наручники, за которые

меня держали, впились в кожу, перерезав ее, от этого у меня онемели некоторые пальцы. Всю ночь меня катали в машине с пакетом на голове и избивали, зажав между сидений.

При обыске квартиры один из чекистов увидел бабушкины и дедушкины медали и начал настойчиво интересоваться, есть ли среди них ценные, которые можно продать. Не удивлюсь, что они какие-то вещи украли...

В месте, где я показал, куда выбросил реактивы, меня еще раз избили и потом протащили по дороге за наручники, пристегнутые к рукам, повредив плечевой сустав. Тогда же они украли часы, слетевшие с руки.

Утром меня отвезли в отдел полиции рядом с вокзалом, где я долго валялся на полу пристегнутый. Позже они сняли фейковое видео с моим задержанием и признанием. Вечером меня отвезли в ИВС.

На следующее утро забрали люди в масках и начали сходу бить и пытать шокером. Следак СК[5] ехал в другой машине. В сравнении с «тапиком» шокер отдыхает, но он прожигает одежду и оставляет ожоги на теле, у меня даже часть татуировки на плече выжгло. Трусы, которые превратились в решето после шокера, я храню до сих пор...

Вечером, когда меня везли в ИВС, человек, который пытал меня, позвонил кому-то, чтоб ему по пути дали заряженный шокер, чтоб устроить, как он выразился,

«прощальную прожарку». Но человек, которому он позвонил, по какой-то причине не взял его.

Следующим утром я думал, что меня опять будут чем-нибудь пытать, но меня просто уложили на пол, пристегнув к ножке сиденья, и в отвезли в Москву. Медик в СИЗО охренела от моего вида, спросила у конвоя, почему у меня все тело отбито, они промолчали. Я коротко ответил, что упал...

Здесь я кратко описал события, связанные с пытками. К сожалению, такой метод допроса до сих пор широко применяется в России. За год содержания за решеткой я встретил около пяти человек, кого пытали электричеством и другими жестокими методами. Будем надеяться, что люди, с чьего согласия применялись такие методы, понесут наказание. Применение таких методов допроса и приемы с фальсификацией доказательств показывают непрофессионализм СК и ФСБ, ведь куда сложнее выявить причастность человека без насилия. А с помощью «тапика» можно было бы меня и за Крымский мост грузануть, если бы по этому делу уже не сидели невиновные колхозники.

За решеткой. «Было тяжело просыпаться под гимн»

Первые две недели я был в СИЗО-7 в Москве, в камере с «экстремистами» и «террористами». Было тяжело просыпаться под гимн и «С чего начинается Родина» и осознавать, где ты находишься. Особенно если снился сон, как ты гуляешь на воле...

Первое время я сильно страдал из-за отбитых почек, на спине было лежать больно, порезы гноились, правая рука не могла нормально двигаться, ноги было больно поднимать при ходьбе. При таком состоянии на единственную свободную верхнюю койку я поднимался с трудом. А первые полгода, когда я ложился спать, у меня постоянно прокручивались воспоминания с пытками током, причем настолько ярко, что я как будто чувствовал прохождение тока. Я с этой проблемой обратился к психиатру в СИЗО, и она мне прописала курс таблеток.

Через неделю после задержания ко мне приходили люди, которые были при пытках, и всячески морально пытались задавить, описывая дальнейшие перспективы. Понятное дело, что при таком состоянии мысли будут не очень оптимистичные. Думал постоянно, что для того, чтоб избежать таких ситуаций, можно было вшить под кожу ампулу с сильным ядом, которую можно разбить при поимке... Ну, это из разряда фильмов про разведчиков.

Когда меня перевели в СИЗО-1, там был странный случай. После того как у меня появился адвокат, ко мне пришел следак[6] и с ухмылкой спросил: «Уж не думаешь ли ты, что он тебя освободит?». Также его сильно интересовало, кто он и откуда. В этот же день у меня произошел конфликт в камере, и меня перевели в другую, причем человека, с которым произошел конфликт, куда-то вызывали за пару часов до этого.

Позже в разное время были ситуации, когда временные сокамерники навязчиво интересовались вещами, которые разве что следаку интересны были.

Из позитивных моментов за решеткой: я познакомился с неплохими людьми, с которыми был бы рад продолжить общение, если когда-нибудь вновь буду свободен. Я хоть и атеист, но иногда проскакивает мысль, что все, что со мной происходит с момента поимки, — это наказание за то, что я легкомысленно относился к своей жизни и не ценил ее. И урок, чтоб я полюбил жизнь заново и научился радоваться каждому дню.

О поддержке и надеждах. «В заключении письма имеют особую ценность»

Уже в СИЗО-5 ко мне приходили чекисты и настойчиво предлагали отказаться от адвоката. Наверное, он им неудобен — если бы от него ничего не зависело, то им было бы по фиг на него. Их очень волновало, кто его оплачивает, о чем мы с ним разговариваем и почему он ко мне приходит слишком часто, по их мнению. Посещения адвоката не дают им меня изолировать полностью, и его активность подарила мне луч надежды.

Я осознаю, что срок впаяют немаленький, и надеждами на благоприятный исход я особо себя не балую. Допускаю, что в дальнейшем возможны варианты обмена. В Украине в тюрьмах сидит немалое количество пророссийски настроенных граждан. Большинство просит обменять их, но российская сторона не идет на это.

Первые письма от незнакомых мне людей я получил в январе, спустя месяц с небольшим после задержания.

Следак и чекисты говорили мне, что от меня все отвернутся, а те, кто помогает, рискуют заехать за «спонсирование террористов». Мне, безусловно, очень приятно получать письма от незнакомых мне людей со словами поддержки. В заключении письма имеют особую ценность, так как ты отрезан от мира.

Если вы хотите как-то скрасить жизнь заключенным, пишите письма, присылайте открытки, это заставляет улыбнуться, несмотря на все тяготы.
К сожалению, письма в конвертах очень долго доставляются, а иногда и «теряются». По этой причине с некоторыми людьми мне так и не удалось установить нормальный контакт. Подозреваю, что кто-то намеренно препятствует. Я отвечаю всем без исключения, а также собираю в сумку все письма и открытки.

В тюрьме не так много вариантов времяпрепровождения. По моим наблюдениям, в основном люди пялятся в телик, некоторые играют в настолки, кто-то читает.

Некоторые друзья по переписке обеспечили меня книжками на интересующие меня темы. Это программирование, учебники иностранных языков и некоторые художественные книги. Сейчас я обновляю знания итальянского языка, хотелось бы еще украинский язык поизучать. Одна хорошая девушка подписала меня на научные журналы, где я могу читать новости про исследование космоса, животных, физику и т. д. — все, что я люблю. Из настольных игр я играю иногда в шахматы. Сейчас у меня добавилось книг и собеседников по переписке, и я играм меньше времени уделяю. В приоритете

у меня ответы на письма. Телик смотрю нечасто и в основном каналы про науку, путешествия и животных, особенно если про хомяков или крыс.

Думаю, что меня можно отнести к военнопленным, как как мои действия входили в рамки войны между Россией и Украиной. Политзаключенным я был бы, если бы меня закрыли за мирную антивоенную акцию или расклейку наклеек, «дискредитирующих» ВС РФ.

Мои действия подпадают под определение «диверсии», но никак не «терроризма», так как цели запугивать гражданское население у меня не было. Цель была — уничтожить самолеты, чтоб не на чем было бомбить, уничтожить пути, чтобы нельзя было проехать. Несмотря на то, что для меня война закончилась и я пойман, я искренне благодарен ребятам из Украины за оказанное доверие. Винить за то, что я за решеткой, можно только меня. Надеюсь, что украинцы достойно перенесут все испытания. Желаю всем мирного неба.

Как можно помочь Руслану Сидики — письма и пожертвования

Адрес для писем:

125130, Москва, ул. Выборгская, д. 20, СИЗО-5, Сидики Руслан Касемович 1988 г. р.

Возможна отправка писем через сервисы «Ф-письмо» и PrisonMail.

Поддержать сбор на оплату работы адвоката:

Можно сделать перевод с рублевой карточки на сайте «Заодно» или перевести пожертвование на PayPal и криптокошельки «Зоны солидарности».

Редактор: Егор Сковорода

1. Атаку на аэродром Дягилево Руслан Сидики попытался совершить 20 июля 2023 года.
2. Юваль Ной Харари — израильский историк и футуролог, автор-бестселлера «Sapiens: Краткая история человечества».
3. Сельскохозяйственная коммуна в Ленинградской области, основанная в 1990 году как колхоз. Создатели говорят, что на территории коммуны «осуществляется советская власть и коммунистические отношения». В описываемые годы в «Новом пути» было не больше десяти постоянных жителей.
4. «Я сюда вообще из Рязани на велике еду. Через Владимир. Около 1100 километров. Если летом я здесь, то остальное время работаю. За зиму накоплю денег чуть-чуть. Устраиваюсь только на сезон, так что нормальной работы не найти. В последний раз на складе конфет работал. Но я очень экономный», — рассказывал Руслан Сидики в публикации «Открытого университета» о коммуне «Новый путь».
5. Следователь по особо важным делам первого отдела по расследованию особо важных дел Западного межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации лейтенант юстиции Осипов В. В.
6. Следователь ГСУ СК России Владимир Разгуляев.